

САМАЯ
СТРАШНАЯ
КНИГА

СКАЗОЧНЫЙ
КОШМАР

Москва
Издательство АСТ

 АСТРЕЛЬ СПб

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
С42

Серийное оформление: *Юлия Межова*

С42 **Сказочный кошмар:** [романы] / Составитель
Парфенов М. С.— Москва: Издательство АСТ: Астрель-
СПб, 2025.— 768 с.— (Самая страшная книга).

ISBN 978-5-17-170137-6

«Самая страшная книга» и литературный портал
«Литнет» представляют.

Кто знает, как хоронить домового?..

Доводилось ли вам слышать про Аспидово Древо?..

Куда и зачем манит людей полярное сияние?..

Ответы на эти и другие вопросы подарит «Сказочный кошмар» — результат самой необычной коллаборации года.

Три автора. Три романа. Три очень страшные сказки. Темное фэнтези, мистика, фолк-хоррор. Лауреаты конкурса «Сказочный кошмар», отобранные редакторами «Самой страшной книги» из более чем сотни произведений.

О борцах с нежитью в мире славянского фольклора. О мрачном наследии могучего племени древлян, породившего легенды о Бабе-яге и избушке на курьих ножках. О древнем зле, обитающем на полуострове Ямал...

Это — не просто сказки. Это — настоящий «Сказочный кошмар»!

ISBN 978-5-17-170137-6

© Марк Качим, «Чудодей», текст, 2025

© Александр Мендыбаев, «Ситеч», текст, 2025

© Валерий Горшков, «Пазори», текст, 2025

© ООО «Издательство АСТ», 2025

Марк Качим
ЧУДОДЕЙ

ГЛАВА 1

Девушка была красивой. Когда-то при жизни, конечно не сейчас. Кровавое месиво на белой коже — в этой картине не было ничего красивого.

— Первая? — поинтересовался я у Старосты, ставя на землю свой большой походный туюсок¹.

— Пятая за год...— Староста виновато потупился.— Не сердчай, бачко, мы ж покамест сообразили, что тут чудодей нужен. Сразу за тобой и послали.

— Добре,— я кивнул. Можно подумать, меня хоть когда-нибудь звали вовремя.

Заметил я и то, с каким усилием Староста назвал меня «бачко». В том тоже не было его вины: сложно величать отцом человека вдвое моложе себя. По крайней мере, на вид моложе. Бороду, что ли, все-таки отрастить?.. Еще бы росла она, зараза.

Открыв туюсок, я вытащил из крепления на крышке пузырек и закапал в глаза растворенную в маковой росе чужь. Иные чудодеи сыпали ее под веки прямо сырую, но я предпочитал более мягкое воздействие. И более дозированное — а то как надуешь больше, чем надо, так бдишь потом всю ночь да чудищ всяких по углам высматриваешь.

— Есть у вас здесь буюва² поблизости? — поинтересовался я, ненадолго закрывая защищавшие глаза.

---

¹ *Туюс* — круглый берестяной короб; обычно используется для хранения продуктов.

² *Буюва* — кладбище.

— Как не быть? — удивился Староста.— Село, чай, большое. И с соседних сел у нас покойников хоронят. Да токо с другой она стороны. Через село все да через лес.

— Для чудищ, что людей по ночам убивают, и семь верст — что твоя дорожка до сараю,— ответил я рассеянно и наконец огляделся.

Кровь. Много крови. Чудь всегда подсвечивала именно кровь — хоть старую, хоть свежую. Ярко-алая, она мерцала, манила в сгустившемся и посеревшем воздухе. Все было неважно для порождений чуди, кроме крови. И самой чуди...

— Списочек бы мне,— сказал я и, не удержавшись, потянулся к особенно крупному сгустку чуди на сочном листе клена. Староста меня не понял.— Перечень, говорю. Кто у вас тут из чудищ обитает. Вижу, что немало.

— Ну так эта...— Староста замялся, прикидывая в уме.— Так все, поди, как у всех. Суседки¹ в каждом доме, дворовые, овинники... Ну да те в лес не ходют. С бабаем² местным баган³ наш договорился. Чтоб тот скотину не пугал, да и девок заодно. Даже свой вазила⁴-табунник у нас живет. Говорю ж: село большое у нас. А в окрестностях все по мелочи — ауки⁵ мелкие да багники⁶.

— Алешаки? — я уже не мог остановиться — все собирал и собирал щедро рассыпанную по поляне чудь

---

¹ *Суседка* — одно из названий домового.

² *Бабай* — злой дух, ночью выходящий из леса к людским домам; часто им пугают непослушных детей.

³ *Баган* — дух, охраняющий рогатый скот. Может как приумножить поголовье, так и, разгневавшись, истребить стадо.

⁴ *Вазила* — дух-покровитель лошадей, заботится о приплоде и защищает табун от диких животных.

⁵ *Аука* — лесной дух, любит проказничать и передразнивать «аукающих» в лесу людей. Нередко водит заблудившихся кругами.

⁶ *Багник* — дух болот.

в серебряную табакерку, всегда готовую для таких дел.

— Да какие тут лешаки! — отмахнулся Староста.— Леса сплошь исхоженные, тропинками изрезанные. Грибов да ягод едва лукошко наберешь. Лесавок¹ если парочка, да и те хоронятся от людей. У нас-то только чудицы остались, чудищ-то сто лет, поди, как не видали, а уж чудовищ и подавно.

Про волколаков² и прочую хищную чудскую фауну я спрашивать не стал. Как и пугать старика своим нездешним говором. Чудь — она ведь на многое глаза открывала. Например, на то, что родной мой мир, которому я уже лет тридцать как успешно помогаю, далеко не единственный.

— Добре,— повторил я, стараясь говорить покороче.— Ты иди, уважаемый, до дому. Выдели мне хатку какую, я у вас погощу. А покамест осмотреть мне тут надо. Авось увижу что интересное...

— Так ждет хатка-то! — обрадовался Староста.— Справная хатка у нас для чудодейского брата есть, баньку уже затопили, стол накрыли. Ждем, чудодей-бачку, воротайся побыстрее.

И, отвесив мне поклон до самой посыпанной чюдью травы, он поспешно запрыгнул на толстенную кобылку да и уехал прочь.

Я проводил его завистливым взглядом: мой компаньон лошадей не любил... Точнее, лошади не любили его и наотрез отказывались везти нас обоих хоть верхом, хоть в телеге. Только в крытой кибитке, которую мой помощник мог окрестить временным домом и оплести своими чудскими чарами, мы могли перемещаться с относительным комфортом — в таком

---

¹ *Лесавки* — многочисленная родня лешего; маленькие духи, могут напоминать ежат. Любят играть и морочить путнику голову.

² *Волколак* — волк-оборотень.

виде лошади нас не боялись, чувствовали, что чужья наша добро несет.

— Вылезай,— я засунул руку в туюсок и похлопал по скудели¹ на дне.— Работа тебе,— и поднял тяжелую глиняную крышку.

В изломанном чужью свете солнца было хорошо видно, как из широкого горла скудели высовываются тонкие, покрытые короткой шерстью лапки, хватаются за край туюска и вытягивают на свет круглое, полностью покрытое длинным мехом тельце.

Легко, словно кот, подскочив, мой помощник выпрыгнул на траву и, как и всегда в таких случаях, немедленно начал трястись, переступая с лапки на лапку. Лес, траву да сырую землю Батаня², как любой домовый, совершенно не любил, пусть за много лет наших скитаний привык. Но все равно первое прикосновение доставляло ему заметный дискомфорт.

Оставив Батаню собираться с духом — ему предстояло налепить на свою шерсть рассыпанную вокруг чужью,— я приступил к настоящему осмотру.

Все порождения чужды — от мелких чуждиц до огромных чудовищ — оставляли после себя характерный след. Чужья лежала на них плотным слоем и в момент резкого движения слетала: с кого просто осыпалась пылью, с кого слезала ошметками, стекала каплями или рассыпалась во все стороны острыми сверкающими иглами. Свойства ее от вида и формы совершенно не зависели, вот только твердые и крупные частицы собирать было не в пример легче. Хотя мне жаловаться не приходилось — всю самую сложную работу делал Батаня. И именно благодаря ему

---

¹ *Скудель* — глиняный сосуд, горшок.

² *Батан* — одно из имен домового, которого могут отождествлять с духом основателя рода.

запасы чуди не приходилось пополнять путем долгой и сложной охоты на опасных чудовищ.

Сегодня мы соберем чуди впрок. То, что осталось от бедной девушки... Накрыть ее надо, что ли? Вот только чем... Не собственным же тулупом. Ладно, Староста пришлет потом людей. Главное — сотворить с ней такое мог только кто-то крупный. Волколак, леший или взрослый матерый ляд¹. А значит, и чудь с него осыпалась щедро. Даже странно, что со всего леса еще не сбежались духи послабее, чтобы собрать бесхозное богатство. Или...

Я нахмурился. Сколько я ни вглядывался в траву, сколько ни ходил по поляне туда-сюда, но так и не нашел ничего крупнее той капли на кленовом листе — и даже та была размером с лесной орех, не больше, и легко поместилась в моей табакерке.

Значит, чудь, рассыпанная на поляне, не была результатом нападения — она копилась тут естественным путем, словно хвойный опад в бору или пыль на печной полке.

— Да кто же тебя убил-то?..— спросил я у мертвой девушки с досадой.

Растащить чудь лесные обитатели просто не смогли бы. Так, по мелочи отщипнут, прилепят на шкурку да пойдут мимо. А из деревни никто добраться бы не успел, даже если бы осмелился. Получалось одно из двух: либо девушку убивали медленно, не делая резких движений, либо сотворившее это чудовище было истощено и чуди на его теле было так мало, что держалась она намертво.

Я посмотрел на Батаню. Он уже радостно резвился на полянке, собирая чудь, как мокрая тряпка — рассыпанную по столу муку. Я же вернулся к девушке. Раз очевидных для чудодея следов найти не

---

¹ *Ляд* — леший, хозяин всех лесных зверей и птиц.

удалось, стоило поискать следы, очевидные для простого человека. Ну то есть как... Искать ничего не пришлось — все было, так сказать, на поверхности. Ужасные раны на гладкой коже были не рваными, не кусаными, а будто бы резаными. Я видел такое очень давно, еще во время обучения, когда чужь открывала мне тайны бытия со всей его красотой и жестокостью, — в других мирах.

В одном из них чуди почти не осталось: ее приходилось брать с собой в тяжелых серебряных кринках — ни другой металл, ни хорошо обожженная глина, ни даже отличное прозрачное иномирское стекло не могли удержать ее в плену достаточно долго. Но мир без чуди не означал мира без чудовищ, вот только раны они наносили не когтями или зубами, а хорошо заточенными ножами с чересчур тонкими лезвиями и с рукоятями из неприятного искусственного материала. Хотя, по правде, все в Бесчудье было каким-то неприятным, отталкивающим. И притом странно притягательным. Настолько, что я провел там много времени. Слишком много.

На всякий случай я еще раз обошел не только саму поляну, но и углубился в лес. Там тоже не было никаких следов, оставленных крупным чудищем, да я их уже и не искал. Теперь меня интересовали следы в осевшей на травах да кустах чуди. Более размытые, рваные, без четких очертаний и краев, они все равно были похожи на те, что оставляют копыта да лапы в рыхлом снегу. Лесная косуля, вепрь, заяц, лиса, молодой лось — их следы я различал прекрасно, хоть не был ни охотником, ни следопытом. А вот зверя покрупнее не разобрать. То ли медведь, то ли корова заблудшая, то ли человек. А может, и во все песья стая догонялки затеяла да стрясла тут все с веток. Верно Староста сказал — больно хоженные тут места. Кто угодно ошиваться может, хоть зверь,

хоть ребенок заигравшийся, хоть балий¹, охочий до чудской травы.

Когда я вернулся к туюску, Батаня уже схоронился в своей скудели. Тяжко ему было под открытым небом, непокойно. А уж когда меня рядом не было — и подавно. Прилипшая к длинной шерсти чужь сияла синим светом, отчего казалось, будто крышка парила над горловиной горшка.

— Ну пойдём поглядим, что тут за деревня...— сказал я и прикрыл крышку плотнее.

ГЛАВА 2

Уже темнело, и идти по лесной дороге мне было страшновато. Чудища редко нападали на людей, а уж на чудодеев — и подавно. Но на девушку все ж таки напали... Впрочем, ночь в любом мире, хоть чудовом, хоть нет, — время, когда нечисть выползает из темных углов.

До околицы мы добрались глубоко за полночь. Я уже давно привык ходить на своих двоих, но все равно каждый раз отчаянно мечтал о какой-нибудь не ведающей страха лошади. Или железной повозке, как в Бесчудье. Самоходной, на колесах. Я ее всегда слегка опасался, но пользовался с превеликим удовольствием. Особенно той, которую можно было вызвать прямо к хате. Здесь вызвать можно было разве что ездового беса, но тратить на это запасы чуди я стал бы только в том случае, если это был бы единственный способ спасти свою и Батанину шкуры.

Помеченную чудовским знаком хату я нашел быстро. Это было хорошо, это было правильно. Чтят местные чудодеев, держат для нас угол.

---

¹ *Балий* — врач, травник или заклинатель.

Двор был чисто выметен, да только все равно сразу стало ясно, что хата нежилая: ни следов дворового перед крыльцом, ни жирных клякс лапок банника на окнах бани. Еще бы домового в хате не оказалось — и будет нам с Батаней раздолье. Не то чтобы я не любил домашних чудиц, но характером те были ровно как и люди — все разные. Кто-то хоронился от нас, не показываясь, а кто-то встречал у порога да спрашивал до утра о всяких разностях. Бывало, кто и злом встречал, но на тех Батаня быстро управу находил. Домашние-то чудицы слабенькие были: только своя чужь на них и была, другой взять неоткуда. Порой ее налипало всего ничего — едва различишь в темноте. Мой же Батаня даже после вычесывания светился как огромная синяя лучина.

Но сегодня мериться чужью не пришлось — хата оказалась девственно пуста. Батаня высунулся из туска и тут же деловито побежал опутывать сени своими чарами.

— Ты особо не старайся пока, быть может, мы тут и не задержимся,— сказал я ему, но куда там.

Больше всего мой домовый любил осваиваться на новом месте да наводить свои порядки в не занятой никем хате. Впрочем, и в занятой тоже любил, но все-таки старался сдерживаться в присутствии хозяина, а то и вовсе насупленно сидел в своей скудели и отгрывался потом в первом же походном шалаше. На самом деле это очень удобно — иметь в спутниках домового, и не только потому, что он пополняет запасы чуди. Достаточно было установить хоть какую-то крышу над головой, даже самую условную, и Батаня принимался за дело. Хоть в дождь, хоть в зной, хоть в лютый холод в свитом им чудовском гнезде было сухо, тепло и уютно — да так, что и уходить-то не хотелось. Сил он, правда, тратил на это тем больше, чем меньше было стен у временного укрытия, поэтому я

старался не злоупотреблять его помощью. Чуди по земле, конечно, рассыпано немало, но и собирать ее постоянно — не такой уж и простой и быстрый процесс.

Хатка была справная. Даже удивительно, что на нее никто не позарился. Толстые сухие бревна, ровный отполированный пол, чистые занавески на больших прозрачных окнах. А главное — кто-то позаботился и растопил печь. Пусть на дворе и было лишь начало осени, а откуда добрался я до временного своего жилища, успел продрогнуть. Понадеявшись, что и баньку давно уже затопили, я оставил Батаню на хозяйстве и пошел в парилню.

Мыться без присмотра банника было как-то странно. Как долго я привыкал, будучи еще только учеником, к тому, что, оказывается, в этом мире за мной наблюдают, — так непривычно мне теперь было в совершенно пустой бане. Надо будет завтра к кому-то в гости сходить, что ли... Хоть посмотреть, как нормальные люди живут, успокоить душу. С баганом местным да вазилой-табунником дружбу свести. Силы у них всегда побольше, чем у мелких деревенских чудиц, а в крупных селах с большим общинным хозяйством они и вовсе в настоящих чудищ вырастали. Ну и знали, конечно, поболее, чем Староста да люд деревенский.

Но сначала надо наведаться на буяву. Без Батани, конечно, ему мертвяковская колоземица¹ губительна была. Как и слишком рьяно освященная земля. Так что любой погост² мы обходили широкой дугой, а коли очень надо было — я один шел.

Сейчас надо. Кладбищенских чудищ немало на земле водилось, и, по сути, если кто и мог задрать

---

¹ *Колоземица* — атмосфера.

² *Погост* — кладбище, церковь и жилища служащих прихода, расположенные в стороне от поселения.

человека, так кто-то из них. Перед глазами снова встал изувеченный труп красивой девушки. В хату ее зайти надо будет. Обряд провести... Но это вечером.

Без заботы банника баня стремительно остывала, и париться я не стал. Смыв скользкое немылкое мыло теплой водой, я завернулся в полотенце. Все-таки в Бесчудье были свои плюсы — мыло у них не в пример душистее да пенистей. То, что в брусочках. А то, что с водой намешали да в банки разлили, я на дух не переносил. Как и еду в вонючих жестяных банках, бледных кур без вкуса и запаха, упакованных в богомерзкий пластик, и хлеб с рыхлым белым мякишем под тонкой, как береста, коркой.

Так, что-то я проголодался.

К счастью, в печурке отлично натопленной печи прятались небольшой пирог на кислом тесте с рыбой да визигой¹, горшочек гороховой каши с копченым кабаньим салом, пареная репа с брусникой и прочей ягодой, а также блюдце киселя² на меду.

На столе же ко всему нашелся холодный печеный олений окорок, сочный и пряный, и круглый свежий каравай. Две запотевшие крынки довершали дело — с холодным ягодным узваром³ и густой свежей простоквашей.

Взяв блюдце, я наложил всего понемногу и поставил обратно в печурку для Батани — там ему было привычней. Обычно домовые не могли по-настоящему есть — они посыпали пищу своей чюдью, чтобы

---

¹ *Визига* — часть хребта, спинная струна осетровых рыб, употребляемая в пищу. Деликатес.

² *Кисель* — густой студень, приготовленный на заквашенных отварах злаков. Кисель можно подсластить ягодами, фруктами или медом.

³ *Узвар* — напиток на основе сваренных или залитых кипятком трав, ягод или фруктов.

впитала вкус, а потом стряхивали и размазывали обратно по шерсти. Но мой друг был достаточно силен, чтобы слопать угощение до последней крошки.

Пужинали мы в уютном молчании. На самом деле я вообще не был уверен в том, умеет ли Батаня разговаривать,— со мной он этот навык никогда не применял. Но другие домовые порой болтали охотно, и слабенькие, больше похожие на сгустки темноты, и матерые старички, умеющие оборачиваться человеком. Маленьким, конечно, не выше кошки, но все-таки человечком.

Батаня же всегда выглядел одинаково и одинаково молчал. Хотя нет, иногда он умел молчать недовольно или, как сейчас,— умиротворенно.

— Ну ладно, иди сюда,— позвал я его после ужина.— А то опять всю ночь трещать будешь.

И правда — напитанная чудью шерсть топорщилась, искрилась и потрескивала, как хороший костер. Батаня подождал, пока я с удобством устроюсь на печной полати вместе с нашим туеском, быстренько оплел чарами стол, чтобы еда на нем не испортилась к утру, и забрался ко мне на колени.

Не знаю, делал ли такое еще хоть один из ныне здравствующих чудодеев, но у нас с Батаней был свой личный обряд. Тяжелым серебряным гребнем я расчесывал его косматую шерсть, стряхивая с нее чудь на серебряное блюдце, а потом аккуратно пересыпал добычу в серебряные крынки. Сейчас у меня с собой было только две походных: одна полная, для работы, и одна полупустая, для запасов,— но дома хранилось настоящее богатство: два кованых сундука, набитых такими крынками доверху. Мое чудодейское наследие за почти тридцать лет скитаний по этому миру.

Не всегда улов был таким богатым, как сегодня. Пожалуй, по здешним лесам стоило побродить подольше — авось очередная крыночка под крышечку

забьется... Батаня разомлел, да и я уже отчаянно зевал, в очередной раз пересыпая чудь в сосуд с помощью тонкого листа серебра, согнутого воронкой.

Спать Батаня полез в запечье — как и всегда, когда самое любимое место домовых не бывало занято. Иногда особо радушные хозяева уступали гостю свою кровать, хотя чаще, если ночевать приходилось в чужом доме, Батаня устраивался у меня в изголовье. Но здесь, в специальной чудодеевой хатке, печь была большой, чистой и прекрасной, и я буквально представлял, с каким удовольствием мой компаньон устроится за ее теплым боком...

Из-за печки Батаня метнулся ошпаренным котом и одним прыжком вскочил ко мне на полати. Его крупное и увесистое для домового тело мелко тряслось, а лапками он с силой вцепился в мою руку, хотя обычно избегал трогать непокрытую кожу.

— Что с тобой? — выдохнул я и едва не обхватил дрожащего домового руками, лишь в последний момент вспомнив, что делать этого не стоит.— Что случилось?

Батаня не отводил взгляда, и у меня внутри все заглодело: в его желтых глазах плескался совершенно живой, почти человеческий ужас. Но секунда шла за секундой, и домовый постепенно успокаивался — перестал трястись, отпустил меня и указал лапкой за печь.

Гадая, что же происходит, я спустился на пол, зажег длинную лучину из собственных запасов и полез проверять запечье.

И сразу понял, что так напугало моего очень даже храброго компаньона. Чудь из глаз уже почти вымылась, но остатка хватило, чтобы увидеть большой комок шерсти, маленькие берестяные тапочки на том, что когда-то было лапками, и цветную пыльную курточку.
